

В.К.Косс

**Я УВОЛИЛА
СОБСТВЕННОГО
ЛЮБОВНИКА**

В.К. Косс

**Я Уволила Собственного
Любовника**

«Автор»

2026

Косс В.

Я Уволила Собственного Любовника / В. Косс — «Автор», 2026

До свадьбы три недели. На холодильнике — список гостей, в ателье — мое платье. А на складе — дешевая ткань, за которую моя компания заплатила как за дорогую. Закупками занимался Кирилл. Мой коммерческий директор и мой жених. Он говорит, что взял деньги ради нашего будущего, и просит не рубить с плеча. А мне нужно платить людям зарплату и заканчивать заказ для гостиницы. Я увольняю его, хотя дома все еще стоит его чашка и мне хочется услышать, что произошла ошибка. Заказчик Илья Ветров требует выполнить договор. Ему нужны шторы к открытию, мне — время, которого он дать не может. Рядом с ним я впервые за долгое время думаю о чем-то, кроме работы и Кирилла. Только готова ли я снова доверять, если до сих пор люблю человека, которого сама попросила уйти?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не та ткань	5
Глава 2. Все сходится, кроме денег	8
Глава 3. Ты могла сначала спросить меня	11
Глава 4. При сотрудниках	13
Глава 5. Я тебя увольняю	15
Глава 6. Дома он спросил про ужин	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В.К. Косс

Я Уволила Собственного Любовника

Глава 1. Не та ткань

Лариса стояла у моего стола с куском ткани и ждала, пока я перестану выбирать цвет салфеток.

— Белые, — сказала я в телефон. — Давайте просто белые.

Организатор свадьбы спросила, теплого или холодного оттенка. Лариса положила ткань рядом с фотографией букета.

— Я перезвоню.

На фотографии белые розы были перевязаны лентой, которая стоила почти столько же, сколько час работы нашей лучшей швеи. Я закрыла изображение.

— Это что?

— Наши шторы. Если ты разрешишь их шить.

Я взяла отрез за угол. Свет от окна прошел сквозь него. В техническом задании для гостиницы стояло затемнение, а через эту ткань я различала Ларисин синий карандаш.

— Может, упаковку перепутали?

Она положила передо мной этикетку. Артикул был правильным. Я потеряла край между пальцами. Даже вес не тот. Одиннадцать лет я покупала ткани, и раньше мне не требовалась этикетка, чтобы отличить дешевую ткань от той, за которую мы заплатили.

— Сколько пришло?

— Сто тридцать два метра. Я пока никому резать не дала.

Лариса сняла очки и протерла их краем кофты. Ей было пятьдесят два, стекла постоянно запотевали над паром утюгов. В кабинете пара не было.

— Кирилл сказал, замена согласована, — добавила она.

— С кем?

— С тобой.

Я посмотрела на ее лицо. Она смотрела на ткань.

За стеной работал раскройный нож. Когда я только сняла это помещение, звук пугал меня: казалось, сейчас испортят то небольшое, что удалось купить. Теперь он обычно успокаивал. Работа идет, людям есть что делать, к вечеру будут готовы комплекты. Сегодня захотелось попросить выключить.

— Позови Оксану. И пока не трогайте рулоны.

— Уже сказала.

Она ушла, а я открыла письмо, которое сама отправляла заказчику. Гостиница «Речная станция», двадцать четыре номера, открытие двадцать второго мая. Девяносто шесть комплектов белья и двадцать четыре пары штор. Мы не брали такой крупный новый объект с прошлой осени.

Я открыла фотографию согласованного образца: портьера ложилась тяжелыми складками. Тот образец мы отправили обратно поставщику после согласования. Я помнила, как упаковывала его: липкая лента пристала к рукаву, Кирилл оторвал ее и поцеловал меня в запястье.

Он умел целовать так, что я забывала, зачем торопилась.

Оксана принесла ноутбук и свой блокнот в клетку.

— Я могу накладную поднять. Только по бухгалтерии она проведена нормально.

— Подними, пожалуйста.

Я подвинула ей стул. В документе стояло тысяча семьсот восемьдесят рублей за метр. Оксана нашла платеж. Все совпадало, включая копейки.

— Это не эта ткань, — сказала я.

— Я вижу, что тебе не нравится. Но мне нужно основание, чтобы поставщику предъявлять.

Я знала ее тон. Дома Оксана могла жаловаться на мужа, который покупал по пять одинаковых губок, а здесь выбирала каждое слово. Однажды проверяющие неделю изучали наши документы. С тех пор она не соглашалась даже с очевидным, пока не могла его приложить к письму.

Мы спустились на склад. Кладовщик Володя стоял возле рулонов, уже обмотанных веревкой.

— Кирилл Андреевич сказал один отложить. Для показа.

— Какой?

Он указал на рулон у стены. Я отогнула упаковку. Этот был другой: тяжелый, с плотным темным слоем на обороте. Правильный.

Рядом стояли еще четыре. Я открыла второй, третий. Дешевая ткань внутри шуршала почти как подкладка.

Володя переступил с ноги на ногу.

— Он сказал, проверишь, подпишешь, и можно в раскрой.

Я все еще держала оба края. Правильный тянул руку вниз, неправильный едва чувствовался. Не нужно было ничего взвешивать.

— Покажи мне все, что привезли вчера.

Кирилл вернулся в половине пятого. Я услышала его из коридора: спросил у Гали, как муж после больницы, потом засмеялся над ее ответом. У него получалось помнить о людях то, что у меня выпадало из головы за работой. В сложные месяцы я за это особенно его любила.

Он вошел с маленьким бумажным пакетом.

— Ты ела? Взял тебе с вишней. Только не клади на документы, течет.

Поставил пакет, наклонился поцеловать. Я повернула голову поздно; его губы коснулись уголка рта.

— Что случилось?

Я показала на два отреза.

Он не подошел сразу. Снял куртку, повесил на спинку стула, поправил воротник, который завернулся внутрь.

— А, это. Я хотел вечером рассказать.

— Расскажи сейчас.

— Поставщик предложил альтернативу. По характеристикам почти то же самое. У нас по срокам провал, надо было решать.

— Кто ее согласовал?

— Марин, давай без такого лица. Я же не украл у тебя рулон.

Я придвинула к нему накладную. Палец попал на цену.

— Это цена альтернативы?

Он сел.

В пакете тихо треснула бумага: вишневый сок пропитывал дно. Я машинально потянулась за салфеткой, но Оксана, молча сидевшая у окна, уже подставила под него блюдо.

Кирилл только тогда заметил ее ноутбук.

— Мы что, проверку устроили?

— Пока я пытаюсь понять, что купила.

Он долго смотрел на меня, словно это я сделала что-то обидное. Я все еще надеялась, что сейчас он достанет другое письмо или откроет переписку, которую я не видела. Что мы с Оксаной переглянемся, мне станет неловко, и я сама разогрею ему чай.

Но он попросил ее выйти.

Глава 2. Все сходится, кроме денег

Оксана закрыла ноутбук.

— Накладные я пришлю, — сказала она мне. — Обе версии, которые у меня есть.

— Какие обе? — спросил Кирилл.

— Первую вы попросили заменить в среду.

Он покрутил на столе ручку.

— Потому что количество уточняли.

— Я ничего другого и не сказала.

Оксана ушла. Я видела, как она прикрыла дверь двумя пальцами, чтобы не хлопнуть. Здесь все давно знали, что мы собираемся пожениться. Неделю назад девочки выбирали, кто поедет со мной покупать туфли.

— Можно было сначала со мной поговорить, — сказал Кирилл.

— Я говорю.

— Наедине. До бухгалтерии.

Я положила телефон экраном вниз. На нем появилось сообщение от мамы: она нашла платье, просила посмотреть. Я не хотела, чтобы Кирилл заметил фотографию.

— По счету мы заплатили за одно. Привезли другое. Правильный рулон оставили для меня. Что я должна была подумать?

— Этот рулон для сравнения. Ты бы посмотрела оба.

— Остальные почему велел перемотать?

Он провел ладонью по лицу.

— Господи. Человек пытается заработать, его сажают под лампу.

Я ждала, что он сам продолжит. Он сидел, откинувшись на спинку, и перебирал пальцами ручку.

— Расскажи про деньги.

— У меня с Димой есть проект. По снабжению. Я хотел тебе показать, когда будет что показывать. Чтобы не с пустыми руками.

Диму Сазонова я знала. Он привозил нам мебель и однажды помог получить отсрочку. На Новый год подарил мне корзину мандаринов, которые снизу оказались мятыми. Кирилл сказал: перевозили плохо, не придирайся.

— Откуда у проекта наши деньги?

— Это временно. Дима уже оплачивает поставку, через две недели перекроем. Марин, не смотри так. Мы скоро распишемся. Я для нас делаю.

— Сколько?

Он назвал сумму, в которую я не поверила. Слишком небольшую: прежде чем ее назвать, он так долго объяснял, зачем взял деньги.

— Всего?

— Сейчас точно не скажу. Нужно сверить.

Я протянула ему телефон.

— Сверь.

Он не взял.

За окном водитель пытался развернуться у разгрузки. Сигналил коротко, с перерывами. Я знала, что ворота снова заставили легковыми машинами, и хотелось выйти, освободить проезд, заняться чем-нибудь, что можно исправить за пять минут.

— Давай дома, — сказал Кирилл. — Здесь люди ходят.

— Хорошо. Сейчас ты пришлешь мне все документы по этому проекту. И пока никаких новых закупок без моего подтверждения.

Он поднял голову.

— Ты серьезно?

— Да.

Он ушел без куртки, через минуту вернулся за ней. Мы оба сделали вид, что это обычное движение.

Домой я приехала поздно. Кирилл поставил на плиту картошку, купил соленую рыбу. На холодильнике все еще висел список гостей. Тридцать восемь имен, возле некоторых карандашом было написано, кто не ест мясо, кто придет с ребенком.

Он подвинул мне тарелку.

— Поешь сначала.

Я села, взяла вилку. Есть оказалось легче, чем говорить. Он рассказывал про проект, называл заказчиков и сроки, а я вдруг вспомнила, как три года назад он так же уверенно объяснял мне, каким образом можно пережить отмену двух крупных заказов. Тогда мы остались бы без работы, если бы он не нашел новых клиентов. Мы встречались всего несколько недель, он еще не работал у меня. Я никому не рассказывала, как мало осталось на счете. Кирилл сам заметил: я несколько раз за ужином открывала одно и то же письмо, хотя прочла давно.

Через два дня он договорился о встрече с человеком, который отвечал за снабжение санатория. Я приехала с образцами в двух тяжелых сумках, а покупатель задерживался. Мы просидели в коридоре почти час. Кирилл снял с меня мокрую куртку, повесил на спинку своего стула и пошел искать, где можно купить воды.

Когда наконец позвали, я уже решила, что заказ не получим. Начала торопливо рассказывать про скидку. Кирилл попросил дать мне показать шов, который я перед этим сама переклеивала три раза. Я развернула наволочку на столе, успокоилась и заговорила нормально. Нас попросили прислать расчет.

Вечером мы ели у меня пельмени из одной кастрюли: тарелки я забыла достать. Он поднес к моему рту пельмень, я обожглась и ударила его по руке полотенцем. Мы смеялись так громко, что соседка постучала в стену. Потом пришло письмо из санатория: хотели пробную партию, небольшую, но с возможностью продолжить. Я перечитывала, пока Кирилл не забрал телефон, чтобы обнять меня.

Я сама уговорила его заняться коммерческой частью. Помнила не только заказ, но и тот час в коридоре, где он сидел рядом и не спрашивал, зачем мне все это нужно.

— Ты ведь мне доверяла, — сказал он.

— Да.

Он услышал ответ и положил ладонь поверх моей. Я не убрала. Посидела так, ощущая теплые пальцы, потом вытащила руку, чтобы открыть присланный файл.

В файле было только объяснение. Таблица без исходных документов. Три колонки, итоговая сумма и обещание закрыть остаток.

— А счета?

— Завтра Дима пришлет.

В субботу я поехала на производство. Машины не работали. В пустом цехе было слышно, как вода проходит по трубе у стены. Мы с Оксаной открыли семь месяцев закупок.

К обеду я перестала спрашивать после каждой строки: «Это точно?» Оксана поворачивала ко мне экран, ждала, пока прочту, и переходила дальше. Некоторые расхождения могли иметь объяснение. Другие повторялись так аккуратно, что объяснение становилось труднее придумать.

— Я не буду подписывать вывод на глаз, — сказала она. — Тут надо с юристом. И с поставщиками подтвердить.

— Конечно.

— И еще. Ты сама несколько раз писала: с Кириллом решите.

Я кивнула. Помнила эти сообщения. Тогда они освобождали мне вечер.

К трем часам предварительная разница составила миллион триста сорок тысяч. Мы не стали называть ее долгом Кирилла: не все еще было подтверждено. Я переписала число в свой блокнот и недописала ноль. Зачеркнула, написала снова.

Потом спросила, хватит ли на зарплату пятнадцатого.

Оксана посмотрела в другой файл.

— Если все обычные оплаты придут, не хватает трехсот десяти.

Я положила ручку. Внизу ждали окончания проверки рулоны, которые нельзя было пускать в работу. До свадьбы оставалась ровно три недели.

Глава 3. Ты могла сначала спросить меня

В воскресенье мама попросила нас приехать на обед. Я ответила, что у Кирилла дела.

— А у тебя?

— У меня тоже.

— Вы поссорились?

— Мам, я потом расскажу.

Она сразу стала говорить бодрее: ну конечно, перед свадьбой все нервничают, не нужно из-за каждого пустяка. Я сидела на полу в ванной и вытирала воду из-под машинки. Уплотнитель давно подтекал; Кирилл обещал посмотреть, я не напоминала, потому что сама откладывала и более простые вещи.

— Это не пустяк, — сказала я.

Мама замолчала. Я слышала, как у нее шелкнула дверца духовки.

— Тогда приезжай одна. Я пирог уже поставила.

Я пообещала позвонить и осталась дома.

Кирилл вернулся около двух. На щеке был след от воротника. Сказал, что спал в машине, пока ждал Диму. Раньше я спросила бы, зачем ехал так рано, почему не позвонил, не болит ли шея. Сейчас смотрела на этот след и боялась, что стоит прикоснуться, все остальное отступит.

Он положил на стол папку.

— Здесь все, что успели собрать. Остальное в понедельник. Дима не дома документы держит.

Я просмотрела верхние листы. Несколько реальных заказов, предварительные договоренности, расчет будущей прибыли. В расчетах действительно могли появиться деньги. Когда-нибудь.

— Почему ты не сказал мне до того, как взял?

— Ты бы отказала.

— И поэтому?

Он сел на край стула.

— Поэтому я решил сначала сделать. Я три года слышу: не сейчас, опасно, у нас люди, у нас швы. Ты никогда не рискнешь, если тебе заранее разложить все, что может не получиться.

В его голосе было знакомое раздражение. Оно появлялось, когда я просила проверить сложную поставку еще раз. Иногда он оказывался прав: я действительно затягивала решение, тратила дни на сравнение почти одинаковых образцов. Но деньги со счета уже ушли. И теперь выходило, что виновата в этом моя осторожность.

— Я могла решить по-своему.

— Могла сначала спросить меня. А ты уже бухгалтерию посадила. Завтра весь цех будет обсуждать, какой я вор.

— Там пока обсуждают, из чего шить заказ. Я оставила их без нормальной ткани.

— Ты все сводишь к ткани.

Я взяла чашку, отпила воду. На дне плавала крошка, незаметная прежде. Мы давно перестали убирать завтрак сразу.

— Тамара Григорьевна знает? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо. Не надо ее пугать.

Он поднялся, подошел сзади, положил ладони мне на плечи. Я почувствовала его дыхание у виска. Он не давил. Просто стоял так, как стоял в те месяцы, когда мне казалось, что надо закрываться.

— Мы разберемся, — сказал он. — Я все верну. Неужели ты думаешь, я мог тебя оставить без денег?

Я хотела повернуть голову к его руке. У меня даже заболело в челюсти от того, как сильно я сжала зубы.

— Пятнадцатого людям платить. Не потом.

— Я найду.

— Сколько можешь внести сейчас?

Он убрал руки.

Он назвал сумму — меньше четверти того, чего не хватало на зарплату. Остальное в проекте, у партнера, в дороге. Он перечислял варианты, а я записывала, чтобы потом не оказалось, что неправильно поняла. При третьем пункте он отодвинул блокнот.

— Я с тобой как с близким человеком говорю.

— А мне завтра близким людям сказать, что зарплата задержится?

Он отвернулся.

Я не стала добавлять про двадцать семь сотрудников. Он знал, сколько их. Знал, что у Гали муж после операции, что Аня выплачивает кредит, что Володя привозит мать к врачу на нашем фургоне. От этих доводов мне самой стало неловко. Словно им нужно было еще объяснить мне, зачем им зарплата.

Вечером я нашла номер Елены Давыдовой. Она однажды разбиралась с нашим спором по аренде. Написала коротко, попросила назначить встречу. Не стала объяснять в сообщении, кто мне Кирилл.

Он увидел ее фамилию на экране.

— Уже юрист?

— Да.

— Марина, ты решила меня посадить?

— Я решила понять, что происходит с моей компанией.

Он долго смотрел на меня, потом взял куртку. Сказал, что проедется.

Я осталась на кухне. Пришло сообщение от мамы: фотография пирога, верхушка темнее, чем она любила. «Не удался. Все равно оставлю тебе кусочек».

Я позвонила. Не рассказала про деньги. Попросила не выбрасывать пирог и спросила, можно ли приехать завтра после работы. Мама ответила, что, конечно, можно. Потом добавила:

— Я на него сержусь, если он тебя обидел.

Тут я заплакала. Так неожиданно, что не успела отнять телефон. Мама испугалась, стала спрашивать, не случилось ли чего страшного. Я сидела, уткнув лицо в рукав, и только повторяла, что завтра приеду.

Глава 4. При сотрудниках

В понедельник Кирилл приехал на производство раньше меня. Успел собрать Ларису, Володю и двух швей возле раскройного стола. Когда я вошла, он держал в руках правильный отрез.

— Вот это пойдет в общие помещения, — говорил он. — А в номера можно вторую. Заказчик разницы не заметит. Тем более там подкладку добавим.

Галя увидела меня первой и отвела глаза. Я поставила сумку у стены.

— Нельзя вторую в номера.

Кирилл повернулся, улыбнулся краем рта.

— Мы как раз варианты смотрим. Ты кофе будешь?

— Лариса, пока ничего не режем. Я вчера написала.

— Да, я сказала, — ответила она.

Кирилл положил ткань. Белая полоска от упаковочной ленты медленно развернулась на столе.

— Марин, не начинай с порога. Люди стоят без дела.

— Они могут закончить белье. Мы с тобой договорились: новые решения по закупкам через меня.

— Я ничего не покупаю. Я разговариваю.

Володя попытался отойти, но уперся в тележку. Галя взяла ее за край, помогла откатить.

Они не смотрели на нас, и от этой старательности у меня горело лицо.

— Кирилл, пойдем в кабинет.

Он негромко засмеялся.

— Нина уже там? Или меня просто за опоздание отругают?

Никто не засмеялся вместе с ним. Я дождалась, пока он пройдет вперед.

В кабинете он закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Да. Как будто мы даем людям разные указания.

— Как будто ты меня воспитываешь. При Гале. Марин, мы вечером в одной кровати спим.

Я не села. Рубашка на груди натянулась, между пуговицами виднелась майка. Я недавно собиралась перешить одну пуговицу чуть ближе к краю. Сейчас знала, что больше не буду, и почему-то именно это оказалось трудно выдержать.

— Сегодня ты передаешь мне переговоры по «Речной станции». Оксана и Елена сверяют поставки. До окончания проверки распоряжения от моего имени не даешь.

— А если я не согласен?

— Тогда скажи, с чем именно. По работе — напиши. Я отвечу.

Он посмотрел на меня так, словно я перешла на другой язык.

Елена приехала к одиннадцати. Я рассказала ей все с начала, хотя она уже прочла сообщение. Два раза возвращалась к тому, что Кирилл хотел деньги вернуть.

— Это запишем, — сказала она. — Но сначала документы. И отдельно посмотрим, какие у него полномочия. Не надо сегодня обещать ему ни прощение долга, ни уголовное дело. Вы сейчас сама не знаете точную картину.

Она не назвала меня доверчивой. Не спросила, почему не проверяла раньше. За это я была благодарна больше, чем за первые советы.

Мы просидели три часа. Маме я написала, что сегодня не приеду. Она попросила хотя бы позвонить вечером.

Нина принесла трудовые документы, Оксана — подтверждения платежей. На столе почти не осталось свободного места. Я вынула из-под папки образец пригласительного и убрала в ящик.

Кирилл ушел в обед. Прислал сообщение: «Ты хотя бы не обязана демонстрировать всем, что разлюбила».

Я прочла его в коридоре, возле питьевой воды. Взяла стакан, налила и не смогла выпить. Хотелось написать, что не разлюбила. Что поэтому и стою сейчас возле кулера, глядя на стену, вместо того чтобы заниматься работой.

Я не ответила. Позвонила клиенту, у которого надо было согласовать новую дату отгрузки. Он раздражался, я запуталась в двух номерах накладных, попросила минуту и нашла нужную. После разговора поняла, что воду все-таки выпила.

К вечеру из цеха пришла Аня. Постояла у двери, теребя кольцо на большом пальце.

— Марина Викторовна, аванс не задержат?

Она спросила осторожно. У меня сразу нашлось привычное: конечно, нет. Я остановилась, прежде чем произнести.

— Я сейчас решаю с деньгами. Завтра к обеду скажу вам всем точно. Если будет изменение, узнаете от меня.

Аня кивнула, но не ушла.

— Мне до пятнадцатого надо знать. Там платеж.

— Понимаю.

Я хотела спросить, сколько ей не хватает, потом вспомнила, что за дверью еще двадцать шесть человек. Она имела право знать срок своей зарплаты, а не рассказывать мне, почему нуждается в ней.

Когда она вышла, я открыла приложение с объявлениями. Нашла похожую на мою машину, посмотрела цены. Потом взяла телефон и сфотографировала свою из окна: плохо, сверху, между двумя фургонами.

Пришлось спуститься и сделать нормальные снимки.

Глава 5. Я тебя увольняю

К четвергу я научилась узнавать сообщения Кирилла по первым словам. «Ты только послушай» означало, что объяснение уже было. «Без эмоций» — что мне предстоит выслушать что-нибудь обидное. «Давай нормально» приходило после моего отказа.

Иногда он писал совсем другое: «Купи капли, ты опять глаза трешь». Я читала, невольно убирала руку от лица и откладывала телефон.

Поставщик подтвердил, что часть привезенной ткани относилась к другой категории. Переписка Кирилла с Димой объясняла не все, но достаточно, чтобы я перестала ждать случайной ошибки. Он согласовывал эти поставки сам. Я этого не знала.

Елена отделила те суммы, по которым нужны дополнительные подтверждения, от уже признанных Кириллом. Сказала, что денежные требования будут отдельным разговором.

Во вторник я подтвердила сотрудникам срок выплаты зарплаты. Сама еще ждала звонков по объявлению о машине.

Кирилл предложил уйти по соглашению.

Я спросила, почему теперь не хочет оставаться.

— Ты же мне не дашь ничего делать, — ответил он.

В этом он был прав. Управлять закупками я ему больше не доверяла, другой подходящей работы у нас не было. Я предложила обсудить прекращение договора с Ниной. Он согласился и два дня почти со мной не говорил.

На встречу девятого апреля он пришел в рубашке, которую я любила. Темно-синяя ткань делала глаза светлее. Не знаю, выбирал ли специально. Я сама с утра дважды меняла кофту, пока не нашла ту, в которой не хотелось поправлять рукава.

Нина сидела сбоку от стола. Кирилл посмотрел на нее, на папку и сел, не снимая куртки.

— Официально все, да?

— Да.

Нина объяснила порядок передачи дел. Он слушал внимательно, задал два вопроса о выплатах, поправил дату в одном листе. Я вдруг увидела его таким, каким видели клиенты: собранным, точным, умеющим заметить то, что остальные пропустили. Мне стало страшно, что без него я действительно не справлюсь.

Он подписал документ, отложил ручку и повернулся ко мне.

— Ты точно этого хочешь?

Нина сделала вид, что проверяет свою папку.

— Я прекращаю с тобой работу, Кирилл.

— Скажи просто. Я тебя увольняю. Ты же столько дней к этому шла.

— Я тебя увольняю.

Слова прозвучали тише, чем я собиралась. Он посмотрел на мою руку, на кольцо. Я положила ладонь под стол.

— Ладно. — Он встал. — Ключи у меня не все здесь. Довезу.

— Нине передашь.

— Я понял.

На выходе он придержал дверь Оксане, которая несла нам бумаги. Поблагодарил ее за работу. Она растерялась и ответила: «И вам». Мы обе услышали это и обе не знали, куда смотреть.

После его ухода Нина собрала листы в папку.

— Тебе распечатать экземпляр отдельно?

Я кивнула. Она спросила еще что-то, я не разобрала. Пришлось переспросить.

В цехе все работали. Никто не хлопал меня по плечу, не поздравлял с решительностью. Лариса попросила утвердить новую нитку для белья. Володя сказал, что у фургона опять не закрывается боковая дверь. Я слушала и отвечала, по одному вопросу за раз.

Перед обедом позвонил покупатель машины. Предложил приехать вечером, если цена еще обсуждается. Я сказала, что обсуждается немного.

У нас не было другого человека на коммерческую часть, и я села за Кириллов компьютер вместе с сотрудником, обслуживавшим технику. Рабочие файлы мы получили, доступы привели в порядок. На столе осталась его маленькая отвертка, которой он чинил дужку очков. Я положила ее в пакет с остальными личными вещами.

На внутренней стороне ящика обнаружилась записка: «Маринка, ты сегодня ела?» Он приклеил ее прошлой зимой, когда я три дня сидела над расчетами большого заказа. Я тогда сфотографировала и отправила подруге. Она ответила сердечками.

Я не смогла выбросить записку. Оторвала осторожно, сложила вдвое и убрала к отвертке.

В половине седьмого я вышла к машине и стала ждать покупателя. Он приехал с маленькой девочкой. Она устроилась на заднем сиденье, пока отец осматривал мотор, и спросила, можно ли потрогать наклейку на стекле. Я разрешила.

Наклейку мы с Кириллом привезли из первой поездки. Я успела забыть, что она там есть.

Глава 6. Дома он спросил про ужин

Покупатель уехал думать. По дороге домой я дважды едва не набрала Кирилла: надо было спросить про звук в двигателе. На втором светофоре убрала телефон в сумку.

Кирилл открыл мне дверь. Я еще только доставала ключи. Был в домашних брюках, пахло горячим хлебом.

— Я разогрел суп. Будешь?

Я посмотрела на его босые ноги. На правой ступне, у большого пальца, была старая мозоль; зимой он все обещал купить другие тапочки. Я знала эти ноги слишком хорошо, чтобы сразу перейти к тому, что собиралась сказать.

— Помою руки.

В ванной стояла его щетка, висело полотенце. Он принес белье с сушилки и сложил на машинку. Мои носки оказались сверху, аккуратно завернутые один в другой. Так он делал всегда, а я расправляла, чтобы не растягивалась резинка.

Я расправила одну пару, потом положила обратно.

На кухне он налил суп в две тарелки. Мы сели. В первый раз за неделю он не открыл разговор про деньги.

— Покупатель приезжал? — спросил он.

— Да.

— Сколько дает?

Я назвала. Он покачал головой.

— Мало. Ты сама не продавай, я завтра с ним поговорю. Они чувствуют, когда женщина торопится.

— Я уже поговорила.

— Ну и что? Я помогу.

Я положила ложку на край тарелки.

— Мне нужно, чтобы ты съехал.

Он сидел так тихо, что я слышала, как гудит вытяжка у соседей.

— Сегодня?

— Нет. До субботы.

— Из-за работы?

— Кирилл, я не могу сейчас с тобой жить.

Он откинулся на спинку стула. Я ждала злости, но он спросил:

— Ты свадьбу отменяешь?

Я не могла ответить сразу. Много раз представляла этот разговор: говорю «да», он вдруг находит деньги, признает, что натворил, и мы решаем попробовать еще раз. До его вопроса я не понимала, сколько места все еще оставляла для такого исхода.

— Да.

Он встал, отнес тарелку в раковину. Суп остался почти весь.

— Тогда зачем было эту неделю мучить? Ты все решила сразу.

— Не сразу.

— А мне казалось, у нас есть о чем говорить.

— Мы говорили. Ты предложил мне довериться тому, что я не могу проверить.

— Ты же тоже не идеальная.

— Я знаю.

Это его рассердило. Он повернулся, начал перечислять: сколько раз я отменяла выходные, как однажды оставила его одного с моими родственниками, как на его дне рождения пол-

вечера отвечала Ларисе. Я слушала. Все было правдой. На дне рождения я и правда вышла из-за стола с телефоном и вернулась, когда свечи уже погасили.

— Мне тогда было очень обидно, — сказал он.

Я помнила тот торт. Сначала мне было стыдно, потом я рассердилась: ну взрослый человек, мог подождать. Никогда не спросила, насколько сильно его задела.

— Прости, — сказала я.

Он остановился.

— Только теперь это ничего не меняет, да?

— Этого — нет.

Он ушел в комнату. Я доела несколько ложек, не чувствуя вкуса. Потом вымыла посуду, поставила сушиться его тяжелую чашку с темной полосой и долго смотрела, как вода собирается у ручки.

Спать я легла на диване. Достала из шкафа плед, положила под голову маленькую подушку. Через час Кирилл вышел за водой. Постоял возле меня.

— Там твоя кровать, Марин. Я могу здесь.

Я покачала головой. Он принес мое одеяло и положил на край дивана. Я не сказала спасибо, но укрылась, когда он вернулся в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.